

А. С. КАШИНА

*студентка Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета*

БРАЧНАЯ ПОЛИТИКА ЯКОВА I КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЕДИНЕНИЯ АНГЛИИ И ШОТЛАНДИИ

Когда Яков I взошел на английский престол в 1603 г., он стал правителем сложносоставной монархии. Он становился не только королем трех королевств и одного княжества (principlality), но и главой четырех народов. Задолго до восхождения на английский трон, Яков осознавал все сложности, с которыми он столкнется при управлении многонациональным государством, и задумал план по объединению, который мог бы разрешить многие проблемы.

Любому государству, которое охватывает несколько национальностей или этнических групп, свойственны проблемы равенства, превосходства (precedence) и статуса равновесия (status equilibrium) среди его населения. Яков искренне верил, что сможет обойти эти неизбежные трудности, объединяя четыре народа в один. В своем стремлении достичь идеального союза Яков должен был сначала дать новое имя своим подданным. Предполагалось, что англичане и шотландцы сливались в одну нацию: британцы. Король надеялся, что за изменением внешнего облика королевства, непременно должны последовать изменения в содержании союза. На первом месте в его плане по созданию интегрированной британской нации были понятия равенства и старшинства (precedence), или, скорее, устранение проблемы превосходства между жителями старого и нового королевств. Ввиду того, что названия Англия и Шотландия должны были предать забвению, проблема превосходства одной нации становилась неактуальной. Он желал видеть своих подданных, идентифицирующих себя с единой британской нацией [1].

Чтобы воплотить свою мечту в реальность, Яков начал работать над созданием британской аристократии при своем лондонском дво-

ре. Он пользовался своей прерогативой натурализовывать отдельных шотландцев, в то время как парламент продемонстрировал свое нежелание вводить всестороннюю обоюдную натурализацию англичан и шотландцев. Яков поддерживал и иногда сам устраивал свадьбы между английской и шотландской сторонами. Он также использовал шотландцев как культурных посредников между представителями английской и шотландской знати, помогая развеять миф о шотландской невежественности. Во всех этих попытках Яков стремился снискать статус равновесия (*a status balance*) между его английским и шотландским окружением. Пытаясь адаптировать двор к своим «британским» представлениям, Яков работал над осуществлением унии двух народов. Король всегда был окружен придворными, поэтому вполне логично было выбрать придворную знать в качестве первоочередной задачи в построении нации [2].

Одним из шагов в плане Якова по созданию единой британской нации было объединение аристократии через узы кровного родства. Ключевым моментом в этой политике была подготовка англо-шотландских браков при дворе. Интеграция, основанная на брачных отношениях, могла в долгосрочной перспективе реализовываться в потомках англо-шотландских постнати. Кроме того, браки могли помочь упрочить узы с помощью наднационального родства среди представителей антинати. Венчание и свадьба лорда Якова Хэя (*James Hay*) представляет собой достаточно яркий пример того, как король Яков проводил супружеские махинации. Английская невеста, выбранная для Хэя, происходила из богатой семьи, владевшей многочисленными связями. Честь сочетаться браком с королевским фаворитом выпала Хоноре Дэнни (*Honora Denny*), дочери лорда Эдварда Дэнни (*Edward Denny*). Эта свадьба предоставила Якову и его проунионистским последователям уникальную возможность выразить свои политические и имперские устремления. Король очень много вложил в Хэя как в культурного посредника и надеялся, что свадьба послужит наставлением для аристократии по поводу имперского союза, о котором он мечтал. За неделю до события Яков принимал настолько активную роль во всех приготовлениях, что Джорджо Ги-

стиниан (Zorzi Giustinian), венецианский посол в Англии, жаловался: «Король был так поглощен свадьбой, что я никак не мог добиться его аудиенции» [3].

Свадьба происходила в особенно напряженные времена парламентских дебатов по поводу объединения, и визуальный символизм англо-шотландской унии, воплощенный в свадьбе, становился очевидным. Долгожданное событие произошло в Крещенский сочельник 1607 г., и это было не просто венчание шотландца и англичанки, произошло также символическое объединение английской и шотландской знати. Вопрос об англо-шотландском единстве был поднят на свадебной церемонии лорда Хэя в резиденции правительства Уайтхолл во время сопровождающей проповеди. Роберт Уилкинсон (Robert Wilkinson), королевский священник, закрепленный за домашним ведением принца Генри, был министром, выбранным для проведения церемонии бракосочетания. Его проповедь отчетливо выражала мечты Якова о национальном единстве. Большая часть проповеди содержала детально продуманную метафору, олицетворявшую невесту как плавательное судно, а жениха как купца, прокладывавшего путь кораблю в океане жизни. Это отражало высказанные ранее суждения короля о его браке с королевством. Изображение королевства как корабля, возглавляемого королем, имело особое значение, когда корабль, о котором шла речь, олицетворял собой не одно королевство, а два. Составление пар было частью тенденции спонсированных королем англо-шотландских свадеб, которые рассматривались Яковом как неотъемлемый шаг в осуществлении плана по англо-шотландскому единству.

Рассуждая прагматично, Яков понимал выгоды от слияния народов Англии и Шотландии посредством браков и кровного родства, но также он осознавал необходимость создания супружеских образов в деятельности своей про-унионистской пропаганды. Фактически его дворяне были бы объединены узами брака, а теоретически он духовно венчал оба королевства. Когда Яков выдвинул свои взгляды по поводу объединения Англии и Шотландии, образ супружества сформировал основную черту в его рассуждениях. В своем первом

обращении к английскому парламенту в марте 1604 г. Яков убедительно высказывался о своем желании полной и безупречной унии обоих народов. Так же как провидение нарекло его королем двух королевств, Господь predetermined объединение под его покровительством. Он представлял отношения между королем и королевством подобно священным узам мужа и жены. Утверждая, «что Бог сочетал, того человек да не разлучит» (“What God has conjoined... let no man separate”) [4], он проводил четкие параллели между божественной природой супружеского таинства и связью между королем и его королевством. Взывая к разуму и чувствительности своих подданных, Яков призывал парламент признать, что в любом христианском браке муж может иметь только одну жену: «Я муж, а целый остров — моя законная жена... поэтому я надеюсь, что никому в голову не придет подумать, что я — христианский король, многоженец, и муж двух жен» [5].

Яков считал, что, становясь королем Англии, он становился королем Британии. Он также рассматривал браки не только как метафорический и риторический инструмент в продвижении идеи о союзе, но и как практическое средство для избавления от разобщенности при дворе. Он старался достичь сплочения и единодушия, прекращая Елизаветинские разделения, интегрируя шотландцев в Вестминстерский двор и прикладывая усилия по проведению свадеб между различными семейными группами. Ощущая политическую ценность брачных уз, он поощрил брак между Фрэнсис Говард (Frances Howard) и графом Эссексом в 1606 г., «ибо это способ, объединения фракций, который разделял Елизаветинский двор в 1590-х... Это была известная уловка Якова, часто использовавшаяся в Шотландии» [6].

Елизавета установила прецедент королевского вмешательства в браки при дворе, препятствуя членам ее окружения вступать в подобные взаимоотношения, но Яков активно старался изменить ее запреты в брачной политике. В то время как в поздний период своего правления королева хотела сделать свой двор центром аристократической деятельности и боялась, что ее состоящие в браке

дворяне могли покинуть Лондон, в случае, если их семья находилась удаленно, Яков поощрял браки своих шотландских придворных на англичанках, что помогало ему держать шотландцев ближе к южной границе [7]. Яков усиленно работал над тем, чтобы включить и шотландцев и англичан в новую сеть семейных связей. Объединяя английскую и шотландскую аристократию узлами брака и кровного родства, Яков мог добиться размывания национальных границ. Некоторые про-унионистские мыслители того времени соглашались в том, что межнациональные браки заложат существенную основу для британской нации. В 1604 г. автор «Трактата об объединении Англии и Шотландии» предположил, что «смешение знати обеих наций путем взаимных браков» привело бы к развитию взаимной любви и растворению прошлой разобщенности [8].

Сэр Джон Доддридж (John Doddridge), английский юрист, в «Кратком рассмотрении объединения двух королевств» (“A brief consideracion of the Unyon of twoe Kingdome”) также указывал на потенциальную действенность браков как инструмента для связывания двух наций вместе: «Общество в браке, посредством чего порожденное между частями в настоящей любви и доброй симпатии, и в будущем между их поколениями, смешение крови, из чего различные союзы будут иметь свои истоки и происхождение, чье последующее распространение во многие ветви завяжет узел этого союза так крепко, как плотской мышцей, ибо так это общество иногда называется» [9]. Он утверждал, что долговременное смешение крови постепенно сотрет англо-шотландские различия и их место займет продолжительный союз, основанный на кровном родстве. Кроме того, для подобных межнациональных внедрений существовал английский исторический прецедент — норманнские межплеменные браки с дочерьми саксонской элиты. Супружеские союзы между шотландскими дворянами и дочерьми из английских знатных семей занимали особое место в политике национальной интеграции Якова. В дополнение, эти браки помогали закрепить шотландцев при дворе, а приданое часто обеспечивало жениха английским имуществом, приносящим доход. Помогая осуществлять подобные браки, Яков

мог вознаградить шотландских дворян без особых затрат из своей казны.

Первая свадьба шотландского дворянина произошла в 1603 г. — между сэром Джоном Кеннеди (John Kennedy) и дочерью лорда Чандоса (Lord Chandos). Демонстрируя то рвение, с которым шотландцы искали английских невест, Кеннеди «забыл», что у него уже была жена в Шотландии. Согласно Лоуренсу Стоуну, когда Кеннеди промотал все имущество своей новой жены, и у нее больше ничего не осталось, он покинул ее [10]. Однако это не было показательным; большинство таких браков все-таки имели более удовлетворительный исход. Наиболее успешными были браки Эсме Стюарта, лорда Д'Обини (Esme Stuart, Lord D' Aubigny) с дочерью сэра Джэрвейса Клифтона (Sir Gervase Clifton), сэра Томаса Эрскина (Sir Thomas Erskine) с сестрой будущего графа Кингстона (Earl of Kingston) и лорда Санкуэра (Lord Sanquhar) с дочерью сэра Джорджа Фермера Истонского (Sir George Fermer of Easton). Определенные типы дворян были вовлечены в пересекающие границы браки. Кейт Браун предположил, что шотландцы личных имений короля и камергеры были больше всех склонны к английским бракам. Провинциальная же аристократия Шотландии больше была сосредоточена на местных интересах, предпочитая заключать браки внутри собственных сообществ [11].

Если двор был центром мира Якова, тогда политика окружения себя шотландскими придворными с английскими невестами позволяла ему думать, что создавалась видимость союза. И поскольку двор отражал настоящее имперское объединение аристократии, английские дворяне тоже должны были искать шотландских невест. Браки между английскими лордами и шотландскими леди заключались с заметно меньшим постоянством. Преобладали негативные образы шотландок. Сэр Энтони Уэлдон (Anthony Weldon) язвительно высказался о шотландских женщинах в «Превосходном описании людей и государства Шотландии» (“A Perfect Description of the People and Country of Scotland”): «Гордость — это нечто вросшее в их кости, а их плоть от природы гнушается чистоты. От их дыхания разит по-

хлебкой, от их рук — свиньями, от тел — потом... быть связанным в браке с одной из таких, все равно что с мертвой тушей, сброситься в зловонную канаву. Для лиц скромных и изящных это не то, о чем придется мечтать» [12].

В то время как предрассудки Уэлдона могли не отражать полного восприятия, они демонстрировали негативное отношение многих из его современников. Некоторые молодые английские аристократы выказывали сопротивление, сталкиваясь с перспективой брака с шотландской невестой. Когда сыну лорда Кэвендиша (Lord Cavendish) подобрали пару в лице дочери шотландского тайного советника лорда Брюса (Lord Bruce), он снизошел до брака только после принуждений отца. Возможно, многие английские семьи избегали сватовства своих сыновей с шотландскими невестами из-за чувства национального превосходства, но, скорее всего, это происходило из-за бедности шотландских семей, которые могли предложить меньше в качестве приданого. В 1604 г. дочь графа Морэя (Earl of Moray) вышла замуж за английского лорда Чемберлена (Lord of Chamberlain), графа Ноттингема [13]. Дочь графа Данбэра (earl of Dunbar) вышла замуж за Теофилуса Говарда (Theophilus Howard), лорда Уолдена (Lord Walden), старшего сына графа Саффолка. Эти случаи должны рассматриваться как исключения из общего течения. Англо-шотландские браки шотландских женихов встречались гораздо чаще.

В 1603 г. уния английской и шотландской корон свела вместе два традиционно враждебных народа. В попытках решить проблемы управления составной монархией и обеспечения мира в своем новом королевстве, Яков I работал над созданием образа воссозданной британской нации. Этот союз не предполагал политической и правовой унии, на самом деле Яков и его уполномоченные работали над тем, чтобы достичь определенной степени национальной интеграции как предварительного шага к дальнейшей интеграции государства. Чтобы содействовать развитию братских чувств и обеспечивать англо-шотландское социальное взаимодействие, Яков активно следовал интеграционной политике. Большинство своих усилий по построе-

нию нации он направил в свой Вестминстерский двор, и особенно трудился над созданием англо-шотландского ядра, или британской аристократии. Двор был не просто центром его видимого мира, его придворные должны были стать примером для подражания для остального народа.

В течение первых пяти лет своего правления в Англии король и его про-унионистские уполномоченные старались представить двор и корону как определенные британские институты. Яков продолжал дальнейшее развитие британской аристократии через поощрение англо-шотландских браков. Стараясь укрепить связи взаимной любви между двумя народами, он лично организовывал браки между ведущими личностями английского и шотландского дворов. В краткосрочной перспективе браки устанавливали кровное родство и альянсы главных семей обоих британских королевств, в долгосрочной — взаимное перемешивание англо-шотландской крови создавало новое поколение британцев. Число браков среди высоких особ также служило примером для индивидуальных союзов среди прочих подданных Якова. Действуя в согласии с политикой показательных супружеских браков, король возносил шотландцев, которые служили для него примером того, каким должен быть британский дворянин. Через взаимодействие с такими шотландцами и наблюдение за ними предполагалось, что чувства шотландофобии исчезнут и будут замещены новыми связями братства и уважения.

Хотя понятия любви и братства появлялись довольно часто в рассуждениях, посвященных национальному единству, они больше отражали надежду, чем реальность. Старания по построению нации Якова и его уполномоченных зачастую давали обратный эффект, они разжигали национализм как в Англии, так и в Шотландии. Пробританские спикеры были неспособны преодолеть недоверие и предрассудки, которые конструировали англо-шотландские отношения на протяжении веков, и их действия часто провоцировали представителей обеих наций занимать оборонительные позиции. Парламенты Англии и Шотландии, так же как и общественное мнение в целом, не выражали энтузиазма или, в лучшем случае, были апатичными по

отношению к действиям по формированию Британии. Только при дворе король мог достичь быстрых результатов. Через натурализацию отдельных шотландцев и поощрение англо-шотландских браков Яков был способен придать лондонскому двору по-настоящему шотландский оттенок. Поскольку двор был первоочередным сосредоточием его забот и политики формирования нации, его старания не должны рассматриваться как абсолютно неоправданные. На самом деле, в долгосрочной перспективе, его усилия и про-британская риторика, которая их сопровождала, помогли заложить духовные основы, опираясь на которые мог быть достигнут длительный и прочный национальный и политический союз.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Joseph B. Rochon, *The King of Hearts: James VI and I, 'The Union of Love' and Images of Britain at the Anglo-Scottish Court, 1603–1608*. Kingston, 1999.
2. Ibid.
3. *Calendar of State Papers and Manuscripts, Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice and in Other Libraries of North Italy*. London: His Majesty's Stationery Office, 1904. Vol. 10: 1603–1607. S. 456.
4. *The Register of the Privy Council of Scotland*. Vol. W. A. D: 1599–1601. Edinburgh: H. M. General Register House, 1884. S. 605.
5. Ibid.
6. Maunce Lee, Jr., *Great Britain S Solomon: James VI and I in His Three Kingdoms*. Chicago: University of Illinois Press, 1990. S. 154.
7. Lawrence Stone, *The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641*. Oxford: Clarendon Press, 1965. S. 605–606.
8. *A treatise about the Union of England and Scotland, The Jacobean Union: Six Tracts of 1604*. Edinburgh: Scottish History Society, 1985.
9. Sir John Doddridge, *A brief consideracion of the Unyon of twoe kingdomes, The Jacobean Union*. S. 149.
10. Lawrence S. Op. cit. S. 626.
11. Keith Brown, *The Scottish Aristocracy, Anglicization and the Court, 1603–1638* // *The Historical Journal*. 1999. № 36. S. 569, 571.
12. Sir Anthony Weldon, *A Perfect Description of the People and Country of Scotland*. London: Rich Lownds, 1659. S. 19.
13. Lawrence S. Op. cit. S. 627.